

Проект учреждения конституционного контроля российской императрицей Екатериной II и отклики на него во Франции (1766–1774)**

В статье анализируются основные положения проекта учреждения в Российской империи конституционного контроля, которые изложены Екатериной II в ее инструкции для депутатов Уложенной комиссии. Как отмечает автор, идеи российской императрицы, во многом заимствованные у Ш. Л. Монтескье, оказались актуальными во Франции эпохи Старого порядка. Это объясняется, прежде всего, тем, что они могли быть использованы членами парламентов и их сторонниками в борьбе за сохранение привилегий высших судов королевства. Кроме того, к положениям проекта Д. Дидро написал пронизательные комментарии, в которых поставил и постарался разрешить важные вопросы, связанные с институтом конституционного контроля. Автор акцентирует внимание на таких вопросах, как понятие и содержание основных законов государства, иерархия нормативных правовых актов, основания и механизмы ограничения суверенной власти, сущность политической репрезентации.

Ключевые слова: парламент; конституционный контроль; основные законы; регистрация; суверенитет; орган власти; юрисдикция.

На основании Закона СССР от 1 декабря 1988 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» был создан Комитет конституционного надзора СССР, получивший 23 декабря 1989 г. в результате внесения соответствующих поправок в союзную Конституцию дополнительные функции, которые изменили его природу, сместив акцент с надзора на конституционный контроль. Таким образом советский режим перед своим падением учредил орган, осуществляющий конституционный контроль¹. Такое решение обозначило пере-

* Эрик Гожоссо, д-р права, почетный декан факультета права и социальных наук Университета Пуатье (Франция), директор Института истории права.

** Gojosso E. L'établissement d'un contrôle de constitutionnalité selon Catherine II de Russie et ses répercussions en France (1766–1774) // *Revue française de Droit constitutionnel*, 33, 1998, p. 87–99. Перевод с французского канд. юрид. наук, завкафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой) В. А. Токарева (basiletok@gmail.com).

¹ P. Gelard, L'actualité constitutionnelle en URSS et en Europe de l'Est, *chronique, cette Revue*, n° 1, 1990, p. 153–154 ; P. Collas, Le contrôle de constitutionnalité en URSS, in *RDP*, 1990, p. 1035–1054. В данном случае автор придерживается распространенных за рубежом представлений об эволюции института конституционного контроля в России. Так, известные французские компаративисты Р. Давид и К. Жоффре-Спинози отмечают, правда с некоторыми оговорками, что в СССР «контроль за конституционностью и законностью находится вне пределов той роли, которую призваны играть суды. Их задача – это применение законов, а также указов, постановлений, распоряжений, инструкций, изданных во исполнение действующих законов, это толкование законов в связи с их применением. Суды не призваны ни создавать право, ни развивать его, приспособивая к обстоятельствам. Советский закон может, если того пожелает законодатель, в известных случаях предоставить судье право выбора позиции. Но за исключением этих случаев, судья не может отойти от предписания закона, ссылаясь на требования справедливости или какие-либо иные принципы» (Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 1996. С. 183). Однако, на самом деле, остается дискуссионным вопрос о существовании в СССР до конца 1980-х гг. института конституционного контроля в той или иной форме. В частности, В. Е. Чиркин утверждает, что «при “парламентском” подходе к конституционному контролю нередко используются в качестве совещательных, консультативных органов парламента и его президиума существующие или специально создаваемые органы. Они готовят консультативные заключения для парламента или его коллегиального постоянно действующего ор-

ход к правовому государству на родине коммунизма, где данное понятие, казалось, оставалось до того времени неизвестным, и его следствием стало принятие Закона РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР», а затем – после введения в действие Конституции 1993 г. – Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации»². Однако, несмотря на то что указанные изменения произошли сравнительно недавно, идея проверки законов на их соответствие конституции давно появилась в этой стране, хотя она никогда не была реализована на практике и пережила долгий период забвения.

Действительно, результаты исследования, полученные нами при работе над докторской диссертацией³, позволяют утверждать, что уже в XVIII веке императрица Екатерина II разработала дальновидный проект организации конституционного контроля в государстве, которым она была призвана управлять (I). Этот проект получил известность во Франции, где наиболее горячие сторонники парламента проявили к нему живой интерес (II). К его положениям даже были написаны прощательные комментарии философом Дидро (III), и нам представляется небезынтересным рассмотреть подробнее этот европейский обмен идеями.

I – ПРОЕКТ ЕКАТЕРИНЫ II

Императрица Екатерина II, собираясь реформировать Россию, вскоре после восшествия на престол решила осуществить намерения большинства своих предшественников и провести кодификационную работу. С этой целью императрица созвала консультативную комиссию, фактически заседавшую с августа 1767-го до декабря 1768 г. Специально для 564 депутатов, входивших в комиссию, она составила «Инструкцию», или «Наказ», чей текст был обильно насыщен заимствованиями из трактатов Монтескье и Беккариа⁴ и предназначен для обозначения основных направлений дискуссии, которая должна была выявить ожидания народа. В этом бессвязном тексте сразу провозглашались принципы и назывались конкретные меры, которые следовало предпринять⁵, и, в частности, рассматривались важные вопросы публичного права. Так, императрица обращает особое внимание на проблему «гаранта конституции государства»⁶, естественно, волновавшую ее, поскольку она оказалась на троне в результате дворцового переворота, и отводит

гана. В СССР в 1924–1936 гг. эту роль выполнял Верховный Суд СССР, являвшийся в данном качестве консультативным органом Президиума ЦИК СССР, который осуществлял конституционный контроль. В дальнейшем задачу конституционного контроля возложили на Президиум Верховного Совета СССР, Верховный Суд утратил роль консультанта. В условиях развивающейся бюрократии и централизованного партийного руководства консультативные функции стали выполнять те или иные подразделения аппарата Президиума, но они занимались, по существу, только вопросами соответствия законодательства союзных и автономных республик Конституции СССР и союзным законам» (Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 1998. С. 60–61. – *Прим. пер.*).

² P. Gelard, chronique citée, *cette Revue*, n° 20, 1994, p. 839–845 et *cette Revue*, n° 22, 1995, p. 437–439.

³ *Le concept de République en France (XVIIe–XVIIIe siècle)*, M. Ganzin dir., Presses Universitaires d’Aix-Marseille, 1998.

⁴ Fr. X. Coquin, *La grande commission législative (1767–1768). Les cahiers de doléances urbains, Paris-Louvain, Nauwelaerts*, 1971, p. 16.

⁵ О намерениях Екатерины и о Наказе см.: *ibid.*, p. 13 et s.

⁶ *Instruction en vue de l’élaboration d’un Code des lois*, in *Revue d’histoire économique et sociale*, 1920, art. 17, p. 292. Напомним, что во Франции в эпоху Старого порядка под «конституцией» понималась «прирожденная и неизменная организация государства, которая определяла специфические принципы, формы и органы управления». M. Antoine, *La monarchie absolue*, in K. M. Baker (dir.), *The political culture of the old regime*, Oxford, Pergamon Press, 1987, p. 4. Можно предположить, что такой смысл вкладывается в данное понятие начиная с XIV века. Ср.: A. Rigaudière, *Pratique politique et droit public dans la France des XIVe et XVe siècles*, in APD, tome 41, 1997, p. 96 et s.

эту роль органу, называемому, вслед за Монтескье⁷, «хранилищем законов»⁸. Он не только оглашает вновь принятые законы и напоминает о законах, преданных забвению⁹. Существенное новшество по сравнению с концепцией французского юриста состоит в том, что данный орган также наделяется полномочием осуществлять конституционный контроль¹⁰.

В соответствии с весьма туманной формулировкой, содержащейся в тексте «Инструкции», такое хранилище законов «не может быть нигде, кроме как в государственных правительствах»¹¹. Несомненно, речь здесь идет о том, что такой орган, обладающий соответствующей компетенцией, является политическим институтом и зависит от суверена как источника всей полноты власти в государстве¹². В своих рассуждениях по этому вопросу Екатерина буквально повторяет слова Монтескье о посредствующих властях¹³, но приходит к иному выводу, чем президент парламента Бордо, согласно которому «совет короля не подходит на роль хранилища законов»¹⁴. Действительно, функцией конституционного контроля она наделяет Сенат¹⁵, состоящий из десяти президентов министерских коллегий и являющийся одновременно советом министров и верховным судом¹⁶. Вместе с тем императрица наделяет «другие суды» полномочием обращаться с представлением «в Сенат и к самому государю»¹⁷. Кроме того, существование разнообразных инстанций, наделяемых указанными полномочиями, очевидно, из-за осуществляе-

⁷ *Esprit des lois*, in *Œuvres complètes*, éd. R. Caillois, Paris, Gallimard/Pléiade, 1951, tome 2, II, 4, p. 249: «...необходимо (также) хранилище законов». Тема «хранилища законов» (*dépôt des lois*) активно развивается французскими парламентариями в их ремонстрациях (речь идет о присвоенном в XV веке французскими парламентами, т. е. высшими судебными инстанциями, праве отказывать в регистрации королевских актов, которые, по мнению парламентариев, противоречили праву и обычаям провинций или основным законам королевства; без такой регистрации королевские акты не вступали в силу, однако король мог преодолеть ремонстрацию, о чем сказано ниже. – *Прим. пер.*). Ср.: R. Bickart, *Les Parlements et la notion de souveraineté nationale au XVIIIe siècle*, thèse droit, Paris, Alcan, 1932, p. 86–100. Приведенная здесь цитата из «Духа законов» Ш. Л. Монтескье в русском переводе полностью выглядит следующим образом: «Недостаточно, чтобы в монархии были посредствующие власти; она еще нуждается в учреждении, охраняющем законы» (см.: Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 25. – *Прим. пер.*).

⁸ *Instruction, op. cit.*, art. 22, p. 296 et art. 28, p. 296. В ст. 22 дословно воспроизводится процитированная в предыдущей сноске фраза из текста Монтескье. Выражение «хранилище законов» имеет у Монтескье двойное значение: организационное (см.: *Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II, 4, p. 249) и материальное (см.: *ibid.*, tome 2, V, 10, p. 289).

⁹ *Ibid.*, tome 2, II, 4, p. 249.

¹⁰ *Instruction, op. cit.*, art. 21, p. 294 et art. 24, p. 296.

¹¹ *Ibid.*, art. 23, p. 296. Это выражение целиком заимствовано у Монтескье (см.: *Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II, 4, p. 249).

¹² *Instruction, op. cit.*, art. 19, p. 293: «...суверен является источником всякой политической и гражданской власти». Монтескье писал: «...в монархиях государь является источником всякой политической и гражданской власти» (*Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II, 4, p. 247).

¹³ В статьях 18, 19 и 20 (*Instruction, op. cit.*, p. 292–294) буквально воспроизводятся первые строчки из *Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II, 4, p. 247. В русском переводе они выглядят следующим образом: «Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т.е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов. Я сказал: посредствующие, подчиненные и зависимые потому, что в монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь. Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона» (Монтескье Ш. Л. О Духе законов. М.: Наука, 1999. С. 23. – *Прим. пер.*).

¹⁴ *Ibid.*, p. 249.

¹⁵ *Instruction, op. cit.*, art. 26, p. 296.

¹⁶ H. Vallotton, *Catherine II*, Paris, Fayard, 10e éd., 1955, p. 22. Сенат был учрежден в 1711 г. Петром Великим первоначально для того, чтобы замещать императора во время его отсутствия и гарантировать соблюдение законов (Fr. X. Coquin, *op. cit.*, p. 5).

¹⁷ *Instruction, op. cit.*, art. 27, p. 296.

мой ими судебной деятельности¹⁸ и обеспечиваемых ими гарантий субординации, предусматривалось «основополагающими законами» государства¹⁹.

Не вдаваясь в подробные разъяснения, Екатерина заявляет о «кодексе законов»²⁰, т. е. «основных законах и конституции государства»²¹, как ориентирующих нормах. Если на этом основании она, кажется, допускает возможность осуществления конституционного контроля по отношению ко всем «законам суверена»²², то затем в ст. 440–446 «Инструкции» проводится различие между правовыми актами, которое, как представляется, определяет изъятие из компетенции «хранилища законов» двух видов актов – «указов» и «учреждений временных», – нормативное содержание которых изменяется в зависимости от времени и обстоятельств²³. Тот же ограничительный подход прослеживается и в определении единственного условия, при котором Сенат и трибуналы могут вносить «представления»²⁴, – когда «указ» противоречит основополагающим положениям²⁵. Новые законы, если они соответствуют «Кодексу», утверждаются и обнародуются²⁶ по процедуре, сравнимой с той, которая применялась во Франции в суверенных судах.

Конечно, проект Екатерины, новаторский для своего времени, тем не менее остался только на бумаге, поскольку консультативная комиссия не смогла под-

¹⁸ Этим можно было бы объяснить неоднократное использование Екатериной слова «трибуналы» («tribunaux») как синонима «посредствующих властей» («corps intermédiaires»), *ibid.*, art. 20 et 21, p. 294, и выбор выражения «другие трибуналы» («les autres tribunaux»), *ibid.*, art. 27, p. 296, о которых упоминается после Сената, *ibid.*, art. 26, p. 296. В оригинальном тексте «Наказа» рассматриваемые автором статьи выглядят так: «20. Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, сиречь правительства, через которые изливается власть Государева. 21. Законы, сим правительствам дозволяющие представлять, что такой-то указ противен Уложению, что он вреден, темен, что нельзя по оному исполнить; и определяющие наперед, каким указам должно повиноваться, и как по оным надлежит чинить исполнение; сии законы – несомненно суть делающие твердым и неподвижным установление всякого государства» (Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения, с принадлежащими к тому приложениями. Москва: Печатан при Сенате, 1767. С. 6. <https://www.prlib.ru/item/428545> (дата обращения: 13.08.2018)). Однако в томе X изданного в 1935–1947 гг. Собрания сочинений Дени Дидро содержится следующее примечание П. И. Люблинского: «Ст. 20. Статья эта в более точном переводе гласит: “Основные законы государства необходимо предполагают наличие средних каналов (протоков), то есть судов, посредством которых и проявляет себя верховная власть”. Это буквальное повторение фразы Монтескье. Дидро и понимает «средние власти» в смысле судебной. Но он не считает их гарантией основных законов, такую гарантию он видит в представительном учреждении, которое и называет «протоком, идущим от общего интереса и общей воли к государю». Ст. 21. Статья эта воспроизводит право, принадлежащее французским парламентам, представлять свои ремонстрации (возражения) против королевских указов, противных законам; в русском тексте мысль эта выражена очень неясно, так как вместо судов здесь говорится о правительствах. В точном переводе статья эта гласит: «Законы, дозволяющие этим судам делать представления о противоречии какого-либо указа Кодексу законов, с указанием, что указ этот является вредным, темным или непрактичным; законы, заранее устанавливающие, каким приказам надлежит повиноваться и как их должно выполнять, – эти законы делают прочной и непоколебимой конституцию государства». Дидро, имея в виду упразднение парламентов во Франции, оспаривает это. Французские парламенты вообще не пользовались симпатиями Дидро» (Дидро Д. Собрание сочинений : в 10 т. Т. X. Rossica. Произведения, относящиеся к России. М. : ОГИЗ. Государственное издательство художественной литературы, 1947. С. 545–545). Автор настоящей статьи, как следует из его рассуждений ниже, в целом разделяет мнение советского ученого об отношении Дидро к французским парламентам. – *Прим. пер.*

¹⁹ *Ibid.*, art. 29, p. 294.

²⁰ *Ibid.*, art. 21, p. 294 et art. 24, p. 296.

²¹ *Ibid.*, art. 28, p. 296.

²² *Ibid.*, art. 24, p. 296.

²³ *Ibid.*, art. 440 à 446, p. 381.

²⁴ *Ibid.*, art. 21, p. 249 et art. 24, p. 296.

²⁵ *Ibid.*, art. 21, p. 294.

²⁶ *Ibid.*, art. 25, p. 296.

няться до уровня суверена, который, чтобы быть абсолютным, стал также и просвещенным²⁷. Самое большее, что комиссия могла сделать, – предоставить необходимые сведения о Российском государстве и умонастроениях подданных²⁸. Если это начинание потерпело неудачу в политическом плане (французский поверенный в делах Россиньоль даже называет его «комедией»), то оно, напротив, получило высокую оценку европейских просветителей, единодушно восхищавшихся личностью и принципами императрицы, «Инструкцию» которой они смогли перевести и распространить²⁹. В приступе восторга Вольтер доходит даже до заявления о том, что этот текст одобрили бы Ликург и Солон³⁰.

II – ПРИЗНАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Принимая во внимание распространение проекта Екатерины, вполне вероятно, что он воодушевил оппозиционных французских авторов, которые сразу отреагировали на переворот канцлера Мопу. Так, два произведения имеют прямое отношение к данному проекту. В «Парламенте, оправданном российской императрицей» (опубликовано в 1771 г.) адвокат Андре Блонд неоднократно обращается к тексту императрицы, который он, очевидно, хорошо знает, и при случае приводит из него значительные выдержки. В знаменитых «Максимах французского публичного права», впервые изданных в 1772 г.³¹, начинание императрицы те-

²⁷ Как отмечает Н. В. Рязановский, «Комиссии не хватало гибкости, предварительные работы были поверхностными, часто “Инструкция” императрицы, пропитанная духом французской философии, оказывается оторванной от российской реальности» (N. V. Riasanovsky, *Histoire de la Russie*, Paris, Laffont, 1987, p. 285).

²⁸ M. Szeftel, *La participation des assemblées populaires dans le Gouvernement central de la Russie depuis l'époque kiévienne jusqu'à la fin du XVIIIe*, in *Recueils de la Société Jean Bodin*, “Gouvernés et gouvernants”, Bruxelles, Librairie encyclopédique, 1965, XXV, 4e partie, p. 364.

²⁹ Положительные отзывы из философской среды представлены в работе: A. Lortholary, *Les «philosophes» du dix-huitième siècle et la Russie*, Paris, Boivin, 1951, p. 104–106. «Инструкция» была запрещена во Франции (см.: N. V. Riasanovsky, *op. cit.*, p. 284).

³⁰ Lettre à Catherine II du 26 février 1769 in *Correspondance*, éd. Th. Besterman, Paris, Gallimard/Pléiade, 1985, tome 9, p. 795–796: «Я читаю предварительную инструкцию, которую Ваше Императорское Величество любезно мне прислало <...>. Госпожа, Нума и Минос одобрили бы Ваше произведение, но, вероятно, не смогли бы написать ничего подобного сами. <...> Будьте уверены, что никто в будущем не превзойдет Вас...» В черновике этого письма, который хранится в Национальной библиотеке Франции, Вольтер зачеркнул слова «Нума и Минос» и заменил их на «Ликург и Солон» (*ibid.*, note 7, p. 1419).

³¹ Их авторами были парижские адвокаты Aubry, Blonde, Camus et Maultrot и бенедиктинец Meu. Текст первого издания *Maximes du droit public français*, en France, 1772, tome 1, p. 124–135, не отличается в данном случае от текста второго издания Amsterdam, Rey, 1775, tome 1, p. 60–64. Далее цитаты приводятся по тексту второго издания, как более распространенного. Известный отечественный ученый Н. И. Кареев так пишет об этом конфликте французских парламентов с правительством: «Губернатор Бретани, герцог д'Эгильон, запятнал себя разными злоупотреблениями по своей должности и был, наконец, отозван. Местный парламент (реннский), живший с ним в ссоре, и провинциальные штаты Бретани возбудили против него процесс и нашли поддержку со стороны парижского парламента, но двор взял герцога под свою защиту, и король решил прекратить все дело. Процесс тянулся в парижском парламенте уже около двух месяцев, когда Людовик XV предписал считать герцога д'Эгильона свободным от всякого обвинения (1770), но парламент не повиновался. Объявив герцога лишенным прав и привилегий пэра, пока он не очистится от подозрений, позорящих его честь, он протестовал против стремления двора “низвергнуть старое государственное устройство и лишить законы их равной для всех власти”, поставив на их место голый произвол. Провинциальные парламенты заявили свою солидарность с парижским. Тогда 24 ноября 1770 г. был опубликован составленный канцлером Мопу королевский эдикт против парламентов. Они обвинялись в том, что проповедуют новые принципы, будто они представители нации, непременные выразители королевской воли, стражи государственного устройства и т. п. “Мы, – говорил Людовик XV в своем эдикте, – держим власть нашу исключительно от Бога: право издавать законы, которыми должны управляться наши подданные, принадлежит нам вполне и безраздельно”. Поэтому парламентам запрещалось говорить об их единстве и о “классах” единого учреждения, сноситься между собою, прерывать отправление правосудия и протестовать посредством кол-

пло приветствуется авторами как отказ от деспотизма³², изучению разновидностей которого они уделяют внимание. Указанные работы объединяет то, что в них текст русской «Инструкции» недвусмысленно используется в интересах французского парламентаризма³³. Парижские адвокаты могли заимствовать из него целую серию аргументов, обосновывающих постоянно заявляемые в XVIII веке претензии суверенных судов на осуществление проверки конституционности законов. Ссылаясь на присвоенный ими статус представителей нации, парламенты неоднократно оспаривали принимаемые королем меры и признавали их противоречащими конституции³⁴, часто провоцируя серьезные политические кризисы³⁵. Король сталкивался с их сопротивлением вплоть до 1770–1771 гг., когда канцлер Мопу, действуя радикально, положил конец оппозиции судей высших судов через упразднение старых парламентов и реорганизацию судебной системы в национальном масштабе³⁶.

В контексте угрозы установления министерского деспотизма «Наказ» интересен и актуален прежде всего тем, что в нем торжественно соединены абсолютная власть суверена³⁷ и «парламентская» концепция публичного права, которая формируется исходя из двух принципиальных положений о «существовании твердо установленных основных законов» и «учреждении посредствующих властей»³⁸. Итак, наличие органов, охраняющих законы и уполномоченных вносить представления, несомненно, свойственно природе монархической формы правления³⁹.

лективных отставок, как это делалось прежде. Парламент протестовал против этого эдикта, увидев в нем нечто противное основным законам королевства, и члены парламента, объявив, что не считают себя достаточно свободными, чтобы постановлять приговоры о жизни, имуществе и чести подданных короля, прекратили отправление правосудия. Тогда Мопу решился на самую резкую меру. Добившись у Людовика XV отставки Шуазеля, со стороны которого он опасался противодействия, канцлер послал в ночь с 19 на 20 января 1771 г. мушкетеров ко всем членам парламента с требованием немедленно ответить посредством письменного “да” или “нет”, желают ли они возвратиться к исполнению своих обязанностей. Сто двадцать членов отвечало отказом, и их сослали, а потом сослали и других 38 человек, которые, дав сначала согласие, потом заявили, что солидарны со своими товарищами. Их должности, составлявшие частную их собственность, были конфискованы и объявлены вакантными, а обязанности судей должны были исполняться особыми комиссиями из членов государственного совета. <...> 23 февраля Мопу объявил судебной комиссией, заступившей место парламента, что король решил в округе парижского парламента учредить шесть новых высших судов (*conseils supérieurs*) и начать общую судебную реформу, уничтожив продажность должностей, заменив наследственных судей судьями, назначаемыми от правительства и оплачиваемыми жалованьем, отменив взносы тяжущихся в пользу судей, наконец, упростив ускорив и удешевив судопроизводство. Эти обещания никого не удовлетворили...» (Кареев Н. История Западной Европы в Новое время. Т. III. История XVIII века. Ч. I. Старый порядок и новые идеи. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. С. 408–409. – *Прим. пер.*).

³² *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 60.

³³ По мнению Блонда, этот текст, кроме того, служит предлогом для выступлений в поддержку парламента, преимущественно опирающихся на «Персидские письма» Монтескье.

³⁴ R. Bickart, *op. cit.*, p. 64–66; Fr. Olivier-Martin, *Les Parlements contre l'absolutisme traditionnel au XVIIIe siècle* (продолжение *L'absolutisme français*), Paris, LGDJ, reprint 1997, p. 421 ; A. Leca, *Les grandes étapes du contrôle de constitutionnalité des lois dans la pensée politique européenne d'Aristote à Kelsen*, in *RRJ*, 1987-3, p. 968–969 ; W. Schmale, *Les Parlements et le terme de constitution au XVIIIe siècle en France : une introduction*, in *Il Pensiero politico*, 1987, n° 3, p. 422 ; J.-P. Royer, *Histoire de la justice en France*, Paris, PUF, 1995, p. 61–62.

³⁵ См. также: Fr. Olivier-Martin, *op. cit.*; J. Egret, *Louis XV et l'opposition parlementaire*, Paris, Colin, 1970 и M. Antoine, *Louis XV*, Paris, Fayard, 1989, особенно p. 568–595.

³⁶ Ср. особенно: R. Villers, *L'organisation du Parlement de Paris et des Conseils supérieurs d'après la réforme de Maupeou*, thèse droit, Paris, Jouve et Cie, 1937; M. Antoine, *op. cit.*, p. 931–940.

³⁷ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 61.

³⁸ *Ibid.*, tome 1, p. 61.

³⁹ *Le Parlement justifié par l'impératrice de Russie in Maupeouana ou Recueil complet des écrits patriotiques publiés pendant le règne du chancelier Maupeou*, Paris, 1775, tome 1, p. 92.

Во Франции эта роль возлагалась на парламенты⁴⁰, легитимность которых была одновременно национальной и монархической. На самом деле, многие авторы представляют их как наследников генеральных ассамблей франкского государства, наделенных законодательной властью⁴¹. Тем не менее авторы «Максим» не обращают внимания (сознательно или нет) на то, что выбор в пользу русского Сената⁴² противоречит принципу независимости, на который указывает Монтескье. В данном случае Вольтер оказался более проникательным или более честным⁴³.

По мнению Екатерины и парламентских адвокатов, хранилище законов является «учреждением, необходимым для гарантирования конституции государства»⁴⁴. Исходя из этого, следует проверять новые законодательные акты на их соответствие «Кодексу основных законов»⁴⁵, а также «порядку, установленному в государстве и, как следствие, основным законам»⁴⁶. Но к ним относятся не только правила, определяющие порядок престолонаследия и запрещающие отчуждение поместья. Следует также сослаться на те нормы, которые сами парламенты рассматривают как «легитимные права граждан»⁴⁷, защищая честь, собственность, свободу и жизнь субъектов права⁴⁸. Поэтому функция хранилища законов включает в себя не только полномочие осуществлять проверку законодательного акта⁴⁹, но также, соответственно, и полномочие отказывать в его регистрации⁵⁰. Кроме того, это право, согласно Блонду, имеет конституционную природу⁵¹.

⁴⁰ В анализируемом отрывке из *Maximes* авторы ни разу не упоминают парламент. Тем не менее именно это учреждение они рассматривают в качестве «хранилища законов». Ср.: J.-L. Mestre, *L'évocation d'un contrôle de constitutionnalité dans les Maximes du droit public français (1775)*, in *État et pouvoir. L'idée européenne* (Actes du colloque de Toulouse de l'Association française des historiens des idées politiques), Aix-en-Provence, PUAM, 1992, p. 24–25.

⁴¹ Это общее место в произведениях, написанных сторонниками Парламента. См., к примеру: *Le maire du palais (1771)* in *Maupéouana, op. cit.*, tome 1, p. 21–22 ; *Correspondance secrète et familière de M. de Maupeou, ibid.*, tome 2, p. 14–15 ; *Tableau des différents âges de la monarchie française, ibid.*, tome 4, p. 46 et s.

⁴² *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 63.

⁴³ *Dialogues entre A, B, C*, in *Œuvres complètes*, éd. Beuchot, Paris, Garnier, 1879, tome 27, 1er entretien, p. 320.

⁴⁴ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 62.

⁴⁵ *Ibid.*, *op. cit.*, tome 1, p. 62.

⁴⁶ *Ibid.*, *op. cit.*, tome 1, p. 63. Автор *Tableau des différents âges de la monarchie française*, являясь сторонником парламента, утверждает: «Основными законами государства называются те, которые заключают в себе конституцию и посредством которых нация устанавливает форму своего правительства, соглашение между народом и тем, кому он передает суверенитет; они определяют, каким образом следует управлять, и ограничивают суверенную власть» (*ibid.*, tome 4, p. 81).

⁴⁷ Arrêté du Parlement de Paris du 7 janvier 1771, cité in *Journal historique de la révolution opérée dans la constitution de la monarchie française par M. De Maupeou, chancelier de France*, Londres, 1774, tome 1, p. 26.

⁴⁸ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 62; *Le Parlement justifié, op. cit.*, tome 1, p. 93. Этот вопрос часто рассматривается в парламентских актах. Ср.: Remontrances du Parlement de Paris du 3 décembre 1770 in *Journal, op. cit.*, tome 1, p. 8 ; Arrêté du 4 décembre 1770, *ibid.*, tome 1, p. 13 ; Arrêté du 10 décembre 1770, in J. Flammermont, *Remontrances du Parlement de Paris*, Paris, Imprimerie nationale, 1898, tome 3, p. 170.

⁴⁹ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 62. В том же смысле ср.: les Représentations du Parlement de Paris sur les lettres de jussion du 15 janvier 1771, *Journal, op. cit.*, tome 1, p. 33. *Tableau des différents âges de la monarchie française, ibid.*, tome 4, p. 83.

⁵⁰ *Le Parlement justifié, op. cit.*, tome 1, p. 94; *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 62–63: «Только политические учреждения... вправе проверять новые законы и делать представления Законодателю; полнота их полномочий требует, чтобы они отказывали в регистрации таких законов и не сообразовывались с ними, если эти законы противоречат порядку, установленному в данном государстве, и, следовательно, основным законам».

⁵¹ *Le Parlement justifié, op. cit.*, tome 1, p. 92–93: «Итак, основным законом является полномочие депозитариев законов отказать в регистрации какого-либо закона, если он противоречит тем, которые уже приняты в этом государстве».

В соответствии со своей противоречивой интерпретацией «Инструкции», авторы «Максим» отмечают абсолютный характер такого отказа. На самом деле, они прикрываются предполагаемыми намерениями Екатерины: «Эта государыня, – пишут они, – считает, что отказ будет решительным и должен быть таким, когда новые законы подрывают старый порядок, установленный в государстве»⁵². Тем самым адвокаты отвергают принудительную запись⁵³ и используемые во Франции процедуры: королевские повеления о регистрации парламентами эдиктов и ордонансов (*lettres de jussion*) и «ложе справедливости» (*lit de justice*). Их рассуждения представляются логичными: текст, противоречащий основным законам, не становится менее опасным от того, что утверждён сувереном. «Не является ли трусливое согласие с законами, потрясающими трон, предательством самого суверена?»⁵⁴ Таким образом, получает свое оправдание позиция парижского парламента, занятая им по отношению к «преступным начинаниям» Мопу⁵⁵, и прежде всего к ст. 3 эдикта, изданного в декабре 1770 г., который запрещал парламенту противодействовать исполнению закона, зарегистрированного помимо его воли⁵⁶.

III – КОММЕНТАРИИ ДИДРО

Неудивительно, что Дидро заинтересовался идеями, содержащимися в «Инструкции», так как философ с 1765 г. был должником Екатерины⁵⁷. Более того, с октября 1773-го по март 1774 г., во время своего пребывания в России, он ведет с ней многочисленные дискуссии на политические темы. Они нашли отражение в написанных им «Беседах с Екатериной II», которые были впервые опубликованы в 1899 г.⁵⁸ Вернувшись на Запад, он также пишет в адрес императрицы «Замечания на Инструкцию Ее Императорского Величества»⁵⁹, с которыми она ознакомилась в 1785 г., а изданы они были в 1920 г.⁶⁰ В обоих текстах редактор «Энциклопедии» возвращается к реформаторским проектам и особое внимание уделяет вопросу о конституционном контроле. Если Дидро признает необходимость его

⁵² *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 63.

⁵³ Парламенты квалифицируют это как «незаконное переписывание» («*transcription illégale*»), за что их упрекает декабрьский эдикт 1770 г., цитируемый в данной работе: J. Flammermont, *Le chancelier Maupeou et les Parlements*, Paris, Picard, 1883, p. 117.

⁵⁴ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 63. Для того чтобы преодолеть ремонстрацию, король направлял в парламенты специальное послание (*lettre de jussion*), в котором требовал немедленной регистрации изданного им акта. В случае повторного отказа парламента регистрировать данный акт, король мог прибегнуть к процедуре, называемой «Ложе справедливости» (*lit de justice*). Тогда парламентарии были обязаны на торжественном заседании парламента в присутствии короля и пэров внести этот королевский акт в свой реестр. – *Прим. пер.*

⁵⁵ Во время процедуры *lit de justice* 7 декабря 1770 г. первый президент парижского парламента осудил те меры, которые являлись «опасными посягательствами на законы королевства и конституцию государства» (см.: Flammermont, *Remonstrances, op. cit.*, tome 3, p. 165).

⁵⁶ Цит. по: J. Flammermont, *Le chancelier Maupeou et les Parlements, op. cit.*, p. 119. Парламентские критики одно время акцентировали внимание на этом вопросе. Ср.: *Journal, op. cit.*, tome 1, p. 5–6.

⁵⁷ Екатерина приобрела библиотеку Дидро, с которой он собирался расстаться, чтобы обеспечить будущее своей дочери. При этом она великодушно разрешила ему пользоваться этой библиотекой. Ср.: A. M. Wilson, *Diderot, sa vie et son œuvre*, Paris, Laffont-Ramsay, 1985, p. 387–388.

⁵⁸ Издал M. Tourneux под названием *Diderot et Catherine II*, Paris, Calmann-Lévy, 1899.

⁵⁹ G. Dulac установил, что некоторые замечания Дидро относятся не к тексту Екатерины, а к комментарию, который должен принадлежать физиократу Le Trosne, *L'Esprit de l'Instruction de S.M. l'Impératrice de Russie* (BN de Russie à St-Petersbourg, Ms, ERM FR 5). Но это не касается замечаний, интересующих нас и рассматриваемых в данной статье. Ср.: G. Dulac, *Pour reconsidérer l'histoire des Observations sur le Nakaz*, in G. Dulac (dir.), *Pour éditer Diderot*, Oxford, SVEC, n° 254, 1988, в особенности p. 486.

⁶⁰ Их издал П. Ледье. См.: P. Ledieu in *Revue d'histoire économique et sociale*, 1920, p. 273–412. Екатерина была крайне возмущена содержанием этого текста Дидро (см.: A. Lortholary, *op. cit.*, p. 235–236).

учреждения, то он, тем не менее, не приводит в пример французский парламент, чье поражение в 1773–1774 гг. было очевидным.

А. – Апробация контроля

Дидро разделяет в данном случае взгляды Екатерины и подчеркивает необходимость создания «хранилища законов»⁶¹, «в котором воля суверена подвергается рассмотрению, одобрению, обнародованию и исполнению»⁶². С точки зрения философа, который не признает формальную классификацию нормативных актов на законы (указы), постановления и ордонансы, содержащуюся в «Инструкции»⁶³, контроль, осуществляемый хранилищем законов, должен быть как можно более широким: он касается любых форм выражения воли монарха⁶⁴. Отсюда можно сделать вывод, что этот контроль применяется ко всем нормативным актам.

Ведь посредством регистрации фактически подвергаются контролю все законодательные акты. Такая процедура обязательно предполагает проверку контролирующим органом каждого выражения воли монарха на его «соответствие основным учреждениям королевства во благо положения и личности монарха, а также законного интереса его подданных»⁶⁵. Это утверждение, разумеется, напоминает парламентскую терминологию⁶⁶, но приведенную в систему посредством указания на благо государства, самой личности монарха и на «законный интерес» подданных, – несколько туманная фраза, которая могла бы завуалировать идею своевременного контроля. Под «основными учреждениями» Дидро, очевидно, понимает основные законы монархического государства. Относительно их содержания философ ограничивается скупыми замечаниями. Согласен ли он с традиционным подходом к анализу основных законов королевства, который связывает их с двумя вопросами – о престолонаследии и правовом режиме домена? Или, напротив, он придерживается концепции, связывающей такие законы со свободой и собственностью и признающей в качестве основания власти договор, как следует из «Энциклопедии»⁶⁷, и присоединяется к авторам, сочувствующим парламенту, принимая их пространное определение, которое содержится, например, в «Максимах французского публичного права»?⁶⁸ Сложно ответить на эти вопросы.

Как бы то ни было, полномочия контролирующего органа не должны сводиться только к праву «делать представления»⁶⁹; следует признать за ним возможность оказывать сопротивление исполнению воли монарха⁷⁰, для того чтобы

⁶¹ *Observations sur l'Instruction de Sa Majesté impériale* (1774), in *Œuvres politiques*, éd. P. Vernière, Paris, Garnier, 1963, p. 362–363.

⁶² *Ibid.*, p. 363–364.

⁶³ *Ibid.*, p. 436: «Лучше разделять законы по их содержанию на законы естественные, законы гражданские, являющиеся следствием законов естественных, и на законы судопроизводственные».

⁶⁴ *Entretiens avec Catherine II* (1773) in *Œuvres politiques*, éd. P. Vernière, *op. cit.*, p. 235.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 235. Во Франции частные лица не могли воспрепятствовать регистрации законов. Ср.: J. Brillonn, *Dictionnaire des arrêts ou jurisprudence universelle des Parlements de France*, Paris, 1727, tome 3, *verbo* «Enregistrement», p. 108.

⁶⁶ Например, в повторяющихся ремонстрациях парижского парламента от 26 июля 1718 г. содержится такое выражение: «Никоим образом не противоречит интересам Вашего Величества и государства, а также основным законам королевства» (см.: Flammermont, *Remonstrances*, *op. cit.*, tome 1, p. 88).

⁶⁷ *Encyclopédie*, Genève-Neuchâtel, Pellet-Société typographique, 3e éd., 1778, *verbo* «Autorité politique», tome 4, p. 120–125.

⁶⁸ Ср.: цит. выше статья J.-L. Mestre, p. 28–29, в которой подчеркивается важность провозглашения на уровне основного закона уважения свободы и частной собственности.

⁶⁹ *Observations*, *op. cit.*, p. 361–362.

⁷⁰ *Entretiens*, *op. cit.*, p. 248. Дидро, обозначив альтернативный вариант, все-таки склоняется к этому мнению: «Корпорация подданных, которая в случае неодобрения может или не может ограничить дурную волю суверена» (*ibid.*, p. 235).

этот орган в полной мере играл роль «смотрителя суверенной власти», защитника «народов от произвола слабоумного или злого суверена»⁷¹.

Условия успешного осуществления конституционного контроля разнообразны. Прежде всего суверен должен согласиться на самоограничение и ограничение своих преемников, надежно закрепив права промежуточных учреждений⁷². Следовательно, допускаемая уступка власти в пользу хранилища законов должна быть «вечной и неизменной»⁷³. Такова цена гарантии независимости «учреждения, охраняющего основные законы государства», условие *sine qua non* эффективности конституционного контроля и даже существования примитивной иерархии норм, которая считается неизвестной деспотизму⁷⁴. Итак, для Дидро важно, чтобы хранилище законов не могло быть «ущемлено в правах» ни сувереном, ни его магистратами⁷⁵. Поэтому не следует доверять контроль такому органу, как русский Сенат, – философ утверждает, что «сенат ничего не значит»⁷⁶. Тогда контроль должен осуществлять народ? Эта идея, высказанная Гольбахом⁷⁷, не находит поддержки у философа. Предпочтительнее возложить данное полномочие на орган, репрезентирующий нацию в силу непосредственного представительства? Такое решение, одобряемое непродолжительное время в интересах консультативной комиссии⁷⁸, было затем отброшено. На самом деле, подавляющее большинство граждан не достигло необходимой зрелости и может поддаться соблазнам⁷⁹; оно не способно назначать подходящих людей. Отступая здесь от концепции Монтескье, согласно которой «народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти»⁸⁰, Дидро провозглашает важность развития народного просвещения и непоколебимо критикует английскую систему⁸¹. Наконец, кажется, что он склоняется к решению, предполагающему создание уникального учреждения, которое не было бы ни политическим, ни судебным, а было бы, возможно, чем-то средним между ними, между английским парламентом и французским парламентом⁸². Поскольку, по его мнению, французский парламент не мог бы стать образцом в этом деле.

⁷¹ *Ibid.*, p. 245.

⁷² *Observations, op. cit.*, p. 360.

⁷³ *Entretiens, op. cit.*, p. 227 ; *ibid.*, p. 235.

⁷⁴ Montesquieu, *Esprit de lois, op. cit.*, tome 2, II.4, p. 249: «В деспотических государствах, где нет основных законов, также нет и охраняющих их учреждений». Адвокат Ленгэ (Linguet) отмечает в данном случае непоследовательность Монтескье, который пишет (*ibid.*, II.5, p. 249): «Учреждение должности визирия есть основной закон в таком (деспотическом) государстве», *in Du plus heureux Gouvernement*, Londres, 1774, tome 2, p. 54.

⁷⁵ *Observations, op. cit.*, p. 363.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 364.

⁷⁷ В самом деле, барон Гольбах утверждает, что нация, стоящая у истоков основных законов, может «отклонять» противоречащие ее истинным желаниям «гражданские законы» (т. е. политические законы, исходящие от «суверена») (см.: Holbach, *La politique naturelle*, Londres, 1773, tome 1, p. 97).

⁷⁸ *Entretiens, op. cit.*, p. 274–278.

⁷⁹ *Observations, op. cit.*, p. 358–359.

⁸⁰ *Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II.2, p. 240–241.

⁸¹ *Observations, op. cit.*, p. 364. Дидро отмечает, что «богатый человек покупает голоса своих доверителей, чтобы добиться чести быть их представителем; двор покупает голоса представителей, чтобы управлять деспотичнее».

⁸² *Ibid.*, p. 363: «Я хотел бы... чтобы разгром нашего парламента и коррумпированность английского парламента послужили уроком для Петербурга, где возникло бы что-нибудь лучше, чем первый и второй».

Б. – Неудача парламентского контроля во Франции

Обреченность парламентской формы контроля была подтверждена событиями, которые произошли незадолго до написания философом его замечаний⁸³. Дидро не спорит с тем, что парламенты наделили себя властью проверять волеизъявления короля на их соответствие «закону государства»⁸⁴ – по меньшей мере, начиная с 1718 г.⁸⁵ Кроме того, по этой причине он признает за ними «высокий и великолепный» статус «хранителей и защитников основных законов нации»⁸⁶.

Но, в отличие от янсенистских авторов «Максим французского публичного права», защищающих, несмотря ни на что, компетенцию суверенных судов с целью оказать сопротивление принятию королевских законодательных мер, противоречащих «конституции государства»⁸⁷, Дидро подчеркивает пределы их юрисдикций. Он делает все возможные выводы из истории парламента, учреждение которого, если верить ему, было случайным, прерогативы сомнительными, а существование ненадежным⁸⁸. Созданный королем, этот суд всегда находился в зависимости от королевской власти, которой он был обязан, помимо своего существования, изначально юрисдикционными полномочиями. В этом вопросе философ не согласен с выводами парламентских юристов, которые пытались представить этот орган власти таким же древним, как монархия⁸⁹. Парламенты получали свой авторитет от монарха в силу передачи им соответствующих полномочий, впрочем, «плохо спаянной», которой следовало быть более надежной, гарантированной нацией⁹⁰, т. е. поднятой на уровень основных законов. Поэтому полномочия магистратов были определены «правилами, ограничениями и условиями», провозглашенными сувереном, который всегда мог их отменить или упразднить⁹¹.

Кроме того, предусматривались законные средства принуждения, чтобы сломить оппозицию королевской воле: королевские повеления о регистрации парламентами эдиктов и ордонансов (*lettres de jussion*) и «ложе справедливости» (*lit de justice*)⁹². Было немислимо, чтобы противостояние заходило слишком далеко, поскольку оно могло привести к прекращению деятельности парламента. К тому же единственной эффективной мерой противодействия давлению со стороны Мопу могла быть «повсеместная и внезапная» отставка всех советников – мера, способна ввергнуть нацию в состояние анархии⁹³. Таким образом, путь министра к триумфу мог оказаться не столь простым, но боязливые парламентарии не решились на эту крайнюю меру⁹⁴.

Более того, парламент начал контролировать конституционность законов случайно⁹⁵. Это полномочие не было возложено на него, и Дидро совершенно спра-

⁸³ *Ibid.*, p. 364: «Во Франции таким депозитарием был парламент, но парламента больше нет».

⁸⁴ Ср.: *supra*, note 66.

⁸⁵ *Entretiens, op. cit.*, p. 245. Выражение «закон государства» означает закон королевства. Дидро упоминает также закон «здравого смысла», содержание которого менее понятно.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 242.

⁸⁷ J.-L. Mestre, *article cité*, p. 24.

⁸⁸ *Entretiens, op. cit.*, p. 245.

⁸⁹ Это утверждение из работы: Le Paige, *Lettres historiques sur les fonctions essentielles du Parlement*, Amsterdam, 1753, 1re partie, p. 123, которое повсеместно встречается в парламентской литературе, в том числе у такого менее интересного автора, как Cantalauze de la Garde, *Dissertation sur l'origine et les fonctions essentielles du Parlement*, Amsterdam, 1764, p. 127. Данная идея находит свое выражение в парламентских ремонстрациях. Ср.: R. Bickart, *op. cit.*, p. 116.

⁹⁰ *Entretiens, op. cit.*, p. 248.

⁹¹ *Ibid.*, p. 227.

⁹² *Ibid.*, p. 236.

⁹³ *Ibid.*, p. 236–237.

⁹⁴ *Ibid.*, p. 228–229. Дидро убежден, что в России все будет происходить иначе (см.: *Observations, op. cit.*, p. 363).

⁹⁵ *Entretiens, op. cit.*, p. 235 ; p. 242–243.

ведливо утверждает, что «регистрация, по своей сути, имеет единственную цель сохранения закона в реестре в аутентичном виде на случай утраты его оригинала»⁹⁶. Такое начало вряд ли сулило надежность контроля.

Другой, не менее важный аргумент, направленный против института парламентского конституционного контроля, связан с узостью точки зрения, ограниченной исключительно корпоративными интересами. Конечно, на всем протяжении борьбы с королевской властью парламент кичился в своих замечаниях тем, что он репрезентирует нацию, но такая формулировка не имела под собой оснований⁹⁷. Никакой акт и никакое делегирование полномочий не оправдывали этого притязания. Людовик XV неоднократно указывал в своих речах, и особенно во время т. н. сеанса Бичевания (3 марта 1766 г.), на то, что «права и интересы нации, которые осмеливаются обособить от монарха, обязательно согласуются с моими и находятся в моих руках»⁹⁸. В свою очередь, Дидро, если он верит в автономию национального сообщества, то он не считает, что Парламент мог пользоваться всеобщим уважением⁹⁹ или расположением нации¹⁰⁰, – таков вывод, к которому он приходит, возможно, принимая во внимание колебания общественного мнения. Он не сомневается в том, что парламентарии никогда не стремились защищать народ¹⁰¹. Если они вступали в борьбу, то лишь в том случае, когда речь шла о защите их частных интересов¹⁰². Этот дух эгоизма был настолько естественен для них, что суверенные суды только по видимости были объединены в единое целое, тогда как на самом деле они оставались разобщенными. В данном случае философ подтверждает бесполезность «классовой теории», согласно которой все суды королевства составляли, по сути, единый Парламент¹⁰³. Он упрекает парижских магистратов, ослепленных своим положением, в том, что они «относились с пренебрежением» к провинциальным коллегам и оттеснили герцогов и пэров, чье сопротивление могло бы помешать министру¹⁰⁴. С этой точки зрения он отмечает отсутствие согласованной оппозиции различных «классов», которые «были уничтожены один за другим, как стада баранов»¹⁰⁵.

Критично настроенный по отношению к старому Парламенту, Дидро еще острее критикует режим, установленный канцлером¹⁰⁶. Сторонник патриотического направления, как и большинство просвещенных людей¹⁰⁷, он осуждает реформу

⁹⁶ *Ibid.*, p. 235. Ср.: A. Rigaudière, *Pouvoirs et institutions dans la France médiévale*, Paris, A. Colin, tome 2, p. 216–217.

⁹⁷ R. Bickart, *op. cit.*, p. 111 et s.; Fr. Olivier-Martin, *Les Parlements*, *op. cit.*, p. 433 et s. Юристы, враждебно настроенные по отношению к парламентам, старались оспорить это заявление. Ср., например: J.-N. Moreau, *Les devoirs du prince ou discours sur la justice*, Versailles, imprimerie du département des affaires étrangères, 1775, p. 347–348.

⁹⁸ In Flammermont, *Remontrances*, *op. cit.*, tome 2, p. 558. Речь короля Людовика XV, произнесенная им в парижском парламенте во время т. н. сеанса Бичевания («séance de la flagellation») 3 марта 1766 г., считается наиболее полным и подробным изложением его доктрины монархии. – *Прим. пер.*

⁹⁹ *Entretiens*, *op. cit.*, p. 237.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 229.

¹⁰¹ *Ibid.*

¹⁰² *Ibid.*, p. 237.

¹⁰³ Ср.: R. Bickart, *op. cit.*, p. 143–193. В декабрьском эдикте 1770 г. король жалуется на то, что суды «рассматриваются как составляющие единую корпорацию и единый парламент, разделенный на составные элементы, распределенные по разным частям королевства» (цит. по: J. Flammermont, *Le chancelier Maupeou et les Parlements*, *op. cit.*, p. 116–117).

¹⁰⁴ *Entretiens*, *op. cit.*, p. 237.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 238.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 239.

¹⁰⁷ Дидро примыкает к этой «части республики писем», которая, по словам Суляви, была благосклонной к старому парламенту (см.: Soulavie, *Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI*, Paris, Treuttel et Würtz, 1801, tome 2, p. 174). Действительно, за исключением – примечатель-

Мопу, в адрес которого отпускает нелицеприятные высказывания, напоминающие по стилистике парламентскую пропаганду¹⁰⁸. Он не представляет, как можно доверять осуществление права ремонстрации юрисдикционному органу, который считается не просто зависимым, а полностью покорным министру. Еще меньше, чем его предшественник, такое учреждение может образовать подлинную преграду для «защиты народов».

В любом случае Дидро не ожидал в 1773–1774 гг., что Людовик XVI, вскоре после восшествия на престол, восстановит парламенты. К тому же в соответствии с принципами, установленными прежде и развитыми благодаря «Максимум французского публичного права», парламенты утверждаются как хранители основных законов¹⁰⁹. Об этом напрямую заявляется в Декларации парижского Парламента от 3 мая 1788 г., где уже расширенный перечень основных законов дополняется «правом судов проверять в каждой провинции волеизъявления короля и регистрировать их только при том условии, что они соответствуют как конституционным законам провинции, так и основным законам»¹¹⁰. Учредительные собрания революционной эпохи не замедлили решить этот вопрос иным образом и запретили трибуналам «вмешиваться в осуществление законодательной власти»¹¹¹.

ным – Вольтера, философы в основном встали на сторону старого парламента. Ср.: M. Wagner, *Parlements, in Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820*, Munich, R. Oldenbourg Verlag, 1988, tome 10, p. 75 et s. Что касается позиции Вольтера, занятой им по отношению к парламенту, то, как отмечает Н. И. Кареев, «оставаясь верным идее просвещенного абсолютизма, Вольтер приветствовал удар, нанесенный парламенту рукою министра, но громадное большинство думало иначе: парламент, говорили в обществе, защищал свободу от деспотизма, а “революция”, совершенная Мопу, наоборот, уничтожала всякие преграды, сдерживавшие произвол власти. <...> В тогдашней прессе чуть ли не один Вольтер указывал на то, что “основными законами, защищавшимися парламентом, были в сущности лишь те злоупотребления, от которых страдал народ”» (Кареев Н. Указ. соч. С. 409. – *Прим. пер.*).

¹⁰⁸ Дидро, сын ножовщика, высмеивает социальное происхождение Мопу и осуждает его двуличие (см.: *Entretiens, op. cit.*, p. 248–249). Рене Никола Шарль Огюстен де Мопу, маркиз де Морангль и де Бюлли, виконт де Брюйер-ле-Шатель (1714–1792), был сыном первого президента парижского парламента и канцлера. В девятнадцать лет он был назначен советником парламента, а потом и первым президентом. – *Прим. пер.*

¹⁰⁹ Парижский парламент объявил 20 января 1775 г. о том, что он неуклонно следует «принципам, которые соответствуют законам, максимум и обычаям монархии» и использует любую возможность для того, чтобы сослаться на них «вопреки нововведениям и постановлениям, противоречащим им или способным нарушить законы королевства и конституцию государства» (см.: Isambert, *Recueil général des anciennes lois*, tome 23, p. 135).

¹¹⁰ *Archives parlementaires*, 1re série, tome 1, p. 285. Таким образом, парламент предполагал предвосхитить судебные реформы Ламуаньона, который намеревался учредить суд, компетентный на своих пленарных заседаниях проверять общие законы, вместо различных суверенных судов. Имеется в виду Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб (1721–1794) – французский государственный деятель, советник парламента, президент податной палаты, министр королевского двора, один из адвокатов на суде над Людовиком XVI. Во время борьбы короля с парламентом он встал на сторону последнего и требовал созыва Генеральных штатов. По настоянию канцлера Мопу в апреле 1771 г. Людовик XV уничтожил протестовавшую в лице Мальзерба податную палату и удалил его от дел. Спустя три года Людовик XVI восстановил податную палату и назначил Мальзерб ее президентом, а затем и министром королевского двора. Мальзерб разделял взгляды одного из основоположников экономического либерализма министра Тюрго и планировал провести реформы государственного управления, в том числе направленные на совершенствование судопроизводства. Однако в 1776 г. он вышел в отставку. В 1787 г. Мальзерб занял министерский пост в качестве хранителя государственной печати, но уже в следующем году удалился из Парижа в изгнание. Во время революции защищал Людовика XVI перед Конвентом, выразив в письме к его председателю свою преданность королю. Обвиненный в заговоре против республики, Мальзерб был арестован и казнен вместе с дочерью и зятем в апреле 1794 г. – *Прим. пер.*

¹¹¹ Constitution du 3 septembre 1791, titre III, chap. V, art. 3. Ср.: J.-L. Mestre, *La Cour de cassation et le contrôle de constitutionnalité. Données historiques, in La Cour de cassation et la Constitution de la République*, Aix-en-Provence, PUAM, 1995, p. 47.

Bibliography

1. Antoine M. La monarchie absolue // K. M. Baker (dir.). The political culture of the old regime. Oxford: Pergamon Press, 1987, p. 4.
2. Antoine M. Louis XV. Paris : Fayard, 1989.
3. Archives parlementaires, 1re série, tome 1, p. 285.
4. Arrêté du Parlement de Paris du 7 janvier 1771 // Journal historique de la révolution opérée dans la constitution de la monarchie française par M. De Maupeou, chancelier de France, Londres, 1774, tome 1, p. 26.
5. Bickart R. Les Parlements et la notion de souveraineté nationale au XVIIIe siècle, thèse droit. Paris : Alcan, 1932, p. 86–100.
6. Brillon J. Dictionnaire des arrêts ou jurisprudence universelle des Parlements de France. Paris, 1727, tome 3, verbo «Enregistrement», p. 108.
7. Catherine II. Instruction en vue de l'éboration d'un Code des lois // Revue d'histoire économique et sociale, 1920.
8. Collas P. Le contrôle de constitutionnalité en URSS // RDP, 1990, p. 1035–1054.
9. Constitution du 3 septembre 1791, titre III, chap. V, art. 3.
10. Coquin Fr.X. La grande commission législative (1767–1768). Les cahiers de doléances urbains. Paris-Louvain : Nauwelaerts, 1971.
11. Diderot D. Entretiens avec Catherine II (1773) / Œuvres politiques, éd. P. Vernière. Paris : Garnier, 1963.
12. Diderot D. Observations sur l'Instruction de Sa Majesté impériale (1774) / Œuvres politiques, éd. P. Vernière. Paris : Garnier, 1963.
13. Diderot et Catherine II, Paris, Calmann-Lévy, 1899.
14. Dulac G. Pour reconsidérer l'histoire des Observations sur le Nakaz / G. Dulac (dir.). Pour éditer Diderot. Oxford : SVEC, n° 254, 1988, p. 486.
15. Egret J. Louis XV et l'opposition parlementaire. Paris : Colin, 1970.
16. Encyclopédie. Genève-Neuchâtel, Pellet-Société typographique, 3e éd., 1778, verbo « Autorité politique », tome 4, p. 120–125.
17. Flammermont J. Le chancelier Maupeou et les Parlements. Paris : Picard, 1883.
18. Flammermont J. Remontrances du Parlement de Paris. Paris : Imprimerie nationale, 1898, tome 3.
19. Garde C., de la. Dissertation sur l'origine et les fonctions essentielles du Parlement. Amsterdam, 1764, p. 127.
20. Gelard P. L'actualité constitutionnelle en URSS et en Europe de l'Est, chronique // Revue française de Droit constitutionnel, n° 1, 1990, p. 153–154.
21. Holbach P.H.D. d'. La politique naturelle ou Discours sur les vrais principes du Gouvernement. Londres, 1773, tome 1, p. 97.
22. Isambert F.-A. Recueil général des anciennes lois, tome 23, p. 135.
23. Le concept de République en France (XVIe–XVIIIe siècle), M. Ganzin dir. Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 1998.
24. Le Parlement justifié par l'impératrice de Russie // Maupeouana ou Recueil complet des écrits patriotiques publiés pendant le règne du chancelier Maupeou. Paris, 1775.
25. Leca A. Les grandes étapes du contrôle de constitutionnalité des lois dans la pensée politique européenne d'Aristote à Kelsen // RRJ, 1987-3, p. 968–969.
26. Linguet S. N. H. Du plus heureux Gouvernement, Londres, 1774, tome 2, p. 54.
27. Lortholary A. Les «philosophes» du dix-huitième siècle et la Russie. Paris : Boivin, 1951, p. 104–106.
28. Maximes du droit public français. Amsterdam : Rey, 1775, tome 1.
29. Mestre J.-L. L'évocation d'un contrôle de constitutionnalité dans les Maximes du droit public français (1775) // État et pouvoir. L'idée européenne (Actes du colloque de Toulouse de l'Association française des historiens des idées politiques), Aix-en-Provence, PUAM, 1992, p. 24–25.
30. Mestre J.-L. La Cour de cassation et le contrôle de constitutionnalité. Données historiques // La Cour de cassation et la Constitution de la République, Aix-en-Provence, PUAM, 1995, p. 47.
31. Montesquieu Ch.-L. Esprit des lois / Œuvres complètes, éd. R. Caillois. Paris : Gallimard/Pléiade, 1951.

32. Moreau J.-N. Les devoirs du prince ou discours sur la justice, Versailles, imprimerie du département des affaires étrangères, 1775, p. 347–348.
33. Olivier-Martin Fr. Les Parlements contre l'absolutisme traditionnel au XVIIIe siècle. Paris : LGDJ, reprint 1997.
34. Paige Le. Lettres historiques sur les fonctions essentielles du Parlement. Amsterdam, 1753, 1re partie, p. 123.
35. Riasanovsky N.V. Histoire de la Russie. Paris: Laffont, 1987.
36. Rigaudière A. Pouvoirs et institutions dans la France médiévale. Paris : A. Colin, tome 2, p. 216–217.
37. Rigaudière A. Pratique politique et droit public dans la France des XIVe et XVe siècles // APD, tome 41, 1997, p. 96 et s.
38. Royer J.-P. Histoire de la justice en France. Paris : PUF, 1995.
39. Schmale W. Les Parlements et le terme de constitution au XVIIIe siècle en France : une introduction // Il Pensiero politico, 1987, n° 3, p. 422.
40. Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. Paris : Treuttel et Würtz, 1801, tome 2, p. 174.
41. Szeftel M. La participation des assemblées populaires dans le Gouvernement central de la Russie depuis l'époque kiévienne jusqu'à la fin du XVIIIe // Recueils de la Société Jean Bodin, "Gouvernés et gouvernants". Bruxelles : Librairie encyclopédique, 1965, XXV, 4e partie, p. 364.
42. Trosne Le. L'Esprit de l'Instruction de S.M. l'Impératrice de Russie (BN de Russie à St-Petersbourg, Ms, ERM FR 5).
43. Vallotton H. Catherine II. Paris: Fayard, 10e éd., 1955, p. 22.
44. Villers R. L'organisation du Parlement de Paris et des Conseils supérieurs d'après la réforme de Maupeou, thèse droit. Paris : Jouve et Cie, 1937.
45. Voltaire. Dialogues entre A, B, C, in Œuvres complètes, éd. Beuchot. Paris : Garnier, 1879, tome 27, 1er entretien, p. 320.
46. Voltaire. Lettre à Catherine II du 26 février 1769 / Correspondance, éd. Th. Besterman, Paris : Gallimard/Pléiade, 1985, tome 9, p. 795-796.
47. Wagner M. Parlements // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680-1820. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1988, tome 10, p. 75.
48. Wilson A. M. Diderot, sa vie et son œuvre. Paris : Laffont-Ramsay, 1985.

Éric Gojosso,

professor of Law, honorary Dean of the Faculty of Law and Social Sciences,
director of the Institute of the History of Law

**The Establishment of a Judiciary with the Power
of Constitutional Review According to Catherine II of Russia
and its Repercussions in France (1766–1774)**

The article is devoted to the main provisions of the draft institution in the Russian Empire of constitutional review, which are set out by Catherine II in her Instruction for deputies of the Standing Committee. As the author notes, the ideas of the Russian Empress, largely borrowed from Montesquieu, were relevant in France of the Old Order era. This is due primarily to the fact that they could be used by members of parliaments and their supporters in the struggle to preserve the privileges of the higher courts of the kingdom. In addition, to the provisions of the project Diderot wrote comments in which he posed and tried to resolve important issues related to the institution of constitutional control. The author focuses on such issues as the concept and content of the fundamental laws of the state, the hierarchy of normative legal acts, the grounds and mechanisms for limiting sovereign power, and the essence of political representation.

Key words: parliament; constitutional review; fundamental laws; registration; sovereignty; authority; jurisdiction.